

—

Ян Цзяшэн так и остался в «Обещаю, вам понравится». Сюй Шуньхэ помог ему записаться на медосмотр; в больнице он прошел все обследования, получил медицинскую книжку и официально стал сотрудником лавки.

Жизнь в лавке текла мирно и размеренно: каждый день подъем в одно и то же время, одна и та же работа, продажа баоцзы, а после — уборка, и на этом день в основном заканчивался. В объявлении Сюй Шуньхэ указал восьмичасовой рабочий день, но на деле к десяти утра всё уже было убрано. Днем приготовление начинки занимало меньше часа: прокрутить мясо через мясорубку, нарезать грудинку мелкими кусочками, нарубить лук и вымыть мясорубку. Вдвоем работа спорилась на удивление быстро.

Теперь Ян Цзяшэн жил в одном ритме с Сюй Шуньхэ: подъем в 3:20, обед в одиннадцать, после еды — немного времени на переваривание, телефон или игры, в двенадцать поднимается наверх, чтобы вздремнуть пару часов, а в девять вечера — спать.

Вся работа обычно заканчивалась к трем часам дня. С трех до девяти оставалось целых шесть часов, которые нужно было как-то коротать. На стройке к этому времени уже темнело, и после ужина сил не оставалось даже на то, чтобы пошевелиться. За те два месяца, что он пробыл в Наньчжоу до лавки, он ни разу не выходил за ворота стройплощадки. Теперь же, имея свободное время, Ян Цзяшэн повадился гулять — просто бродил где придется. Тратил один юань на автобус и ехал куда глаза глядят, проезжал десяток-другой остановок и возвращался. Иногда, завидев оживленное место, выходил прогуляться. Или искал в телефоне достопримечательности Наньчжоу, чтобы в одиночку изучить дорогу и просто поглазеть.

Он думал о том, что рано или поздно уедет из города — может, отправится на другую стройку, а может, больше никогда сюда не вернется. Поэтому сейчас стоило побольше ходить и смотреть, какой он — этот Наньчжоу.

Сюй Шуньхэ был другим: он почти всегда оставался в лавке, даже когда вся работа была сделана. Ян Цзяшэн постоянно видел, как тот то там протрет, то здесь подправит. Иногда Сюй Шуньхэ выходил купить приправ или пакетов для упаковки, а иногда никуда не шел — просто убирался. Протирал рольставни, окна, скрипучую железную лестницу; на втором этаже он поддерживал исключительную чистоту, убирая даже в каморке, где спал Ян Цзяшэн.

Казалось, он не бывает нигде, кроме своей лавки, овощного рынка и оптовых складов.

Иногда, когда Ян Цзяшэн возвращался, Сюй Шуньхэ спрашивал его: «Где сегодня гулял?»

— В парке Наньху, — отвечал парень.

Сюй Шуньхэ тянул «о-о», а через паузу признавался, что никогда там не был. «Красиво там?» — спрашивал он.

Ян Цзяшэн задумывался. «Нормально». Поразмыслив еще немного, он выдавливал из себя подробности: «Там довольно большое озеро, люди на лодках катаются. Пятьдесят юаней за раз».

Дело было около половины седьмого вечера. Сюй Шуньхэ уже поужинал, Ян Цзяшэн тоже поел где-то в городе обычный фастфуд. Сюй Шуньхэ внизу заваривал чай: иногда он доставал

маленький круглый поднос и набор посуды для чайной церемонии — пил сам, наливая себе по чуть-чуть. Говорил, что научился этому у местных жителей, когда еще сам был рабочим, и что после чаепития усталость за день как рукой снимает. Похоже, это было единственным увлечением Сюй Шуньхэ.

На нем по-прежнему была та серая футболка, выцветшая от стирок, а рука, державшая чашку, казалась почти такой же белой, как фарфор — той особенной белизной человека, который почти не выходит на улицу и не видит солнца.

Глядя на эти светлые пальцы, Ян Цзяшэн сам не свой ляпнул:

— В следующий раз пойдем вместе, сам увидишь.

Сюй Шуньхэ сначала опешил, а потом рассмеялся и жестом пригласил парня присесть и выпить чашку чая.

«А ведь он симпатичный, когда улыбается», — промелькнуло в голове у Ян Цзяшэна.

Сюй Шуньхэ разговорился. Рассказал, что уехал на заработки сразу после средней школы. Сначала работал в родных краях, а в двадцать один год приехал в Наньчжоу и с тех пор живет здесь — уже почти девять лет. Кем он только не был: начинал на стройке, потом захотел выучиться какому-нибудь ремеслу, работал в закусочных, кафе, сетевых фастфудах. В конце концов три года проработал в лавке с баоцзы, где и научился их лепить. В двадцать семь лет на накопленные деньги открыл это заведение и только тогда почувствовал, что жизнь начала налаживаться.

Он налил Ян Цзяшэну «Чжэншань Сяочжун» — красный чай, полезный для желудка.

Ян Цзяшэн неловко взял маленькую чашечку двумя пальцами и сделал глоток. В чае он не разобрался, понял только, что аромат очень приятный.

В лавке не было чайного столика, да и места для него не нашлось бы. Сюй Шуньхэ пристроил поднос прямо на стальной стол для замешивания теста. Так они и сидели друг против друга на пластиковых табуретках, попивая чай чашку за чашкой, пока крепкая заварка не стала совсем прозрачной.

Двое взрослых мужчин во время работы болтали редко. Обычно говорил Сюй Шуньхэ, но почти всегда — о делах лавки. Но этим вечером за чаем он рассказал то, о чем раньше молчал.

Оказалось, за девять лет в Наньчжоу он не знал о городе ничего, кроме тех районов, где работал. Из знаменитых достопримечательностей он видел только одну, да и то много лет назад, когда коллеги со стройки вытащили его силой. Раньше он боялся тратить лишнее и не хотел выходить, а теперь живет один и просто лень. Да и к тому же, у владельца закусочной выходных не бывает, разве что на китайский Новый год.

Ян Цзяшэн подумал: неужели за девять лет у Сюй Шуньхэ не появилось ни одного близкого друга? И неужели родные ни разу не приехали навестить его? Если бы семья приехала, их бы волей-неволей пришлось водить по городу. Если бы сам Ян Цзяшэн открыл лавочку в большом городе, его родители, братья и сестры наверняка примчались бы посмотреть, насколько она большая и сколько денег приносит.

— С трех часов дня до сна еще пять-шесть часов — этого хватит, чтобы пол-Наньчжоу объехать, — сказал Ян Цзяшэн. Он выпил еще чашку чая, думая о том, что посуда слишком мелкая и

совсем не утоляет жажду.

— Ну, это у вас, молодых, сил полно, — отозвался Сюй Шуньхэ. — И куда же ты ходишь каждый день?

— Иногда в кино, — ответил Ян Цзяшэн.

Сюй Шуньхэ посмотрел на него с нескрываемым удивлением:

— В кино?

— В двух остановках отсюда есть кинотеатр Wanda, разве не знаешь? Автобус до оптового рынка как раз мимо него проезжает, — Ян Цзяшэн вздохнул, видя, как Сюй Шуньхэ пытается это припомнить. — Сеанс в три-четыре часа — самое то. К шести заканчивается, как раз время ужинать. И людей днем мало, тишина.

— И ты... один ходишь? — Сюй Шуньхэ, казалось, не верил своим ушам. — Разве в кино не вдвоем ходят? Надо же, я столько живу в Наньчжоу, а в кинотеатре ни разу не был.

Теперь уже Ян Цзяшэн удивился по-настоящему:

— Конечно один. Какая разница — один ты или вдвоем? Когда свет гаснет, надо на экран смотреть, а не на того, кто рядом сидит.

Ян Цзяшэн и сам не понял, что в его словах было смешного, но Сюй Шуньхэ вдруг начал хохотать так, что не мог остановиться.

— Чего смешного? — опешил парень.

Сюй Шуньхэ только смеялся и повторял, что он рассуждает совсем как ребенок.

— Мне скоро восемнадцать, — недовольно буркнул Ян Цзяшэн.

—

<http://bllate.org/book/17131/1600087>